

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ЭНТУЗИАСТОВ

НАСТАСЬЯ НАЛЁТОВА
Родилась в Москве.
Окончила истфан МГУ,
преподавала в вузе, рабо-
тала в кино, публиковала
статьи об антерах в перио-
дине.
По работе переезжала
семнадцать раз в четырех

странах — ценный опыт,
сюжетная основа для прозы
и драматургии.
В 2022 году написала роман,
который сейчас готовится
к печати.
Выпускница сценарной
мастерской А. Молча-
нова. Автор сценариев

трех короткометражен,
сериала, полного метра
«Предать предателя»
(2022–2023) и пьесы
«Похоронное бюро
“Надежда”» (2023).
Участвовала в курсах
школы BAND.
Пишет под псевдонимом.

Можешь думать, что я сошла с ума, но нам надо поменяться мамами.

Рина оторопела. Это было слишком смело даже для ее новой знакомой.

Их столкнуло три дня назад, когда Рина выскочила из дома на ночь глядя, сердито стирая стынущие на ветру слезы, продолжая мусолить в голове дурацкую ссору и финальную точку в ней, поставленную уверенным мелодичным голосом и звучащую как приговор: «Счастливые женщины так не кричат!» Чтоб заставить ее орать дурниной, маме, как всегда, хватило пяти минут.

Что теперь? В этом, с позволения сказать, райском уголке, куда они переехали две недели назад, Рина пока изучила только самое необходимое: супермаркет, поликлинику, банк, маленький субботний рынокчик у главной пристани.

А сейчас, по-хорошему, Рине следовало бы накатить. Странно, проходя по этой улице как минимум дважды за день, она никогда не замечала этот бар. Хотя чему удивляться, уютно подсвеченная вывеска загорается только по вечерам, когда Рина из дома уже не выходит.

Основательная дверь поддалась не сразу, со скрипом, но это было не последнее препятствие: бар, несмотря на будний день, был почти полон, свободных столиков не наблюдалось, и если бы не флегматичный бармен в brutальном кожаном

фартуке, широким жестом указавший на последний свободный стул за барной стойкой — в самом углу, у стены, — Рина бы уже выскочила вон.

Место, впрочем, было вполне в ее вкусе — присесть вполоборота к залу, прислониться к стене. Тыл прикрыт, обзор — стратегический. Еще б сосед попался не душный. Рина покосилась влево и встретила глазами с таким же встревоженным взглядом сидящей на соседнем высоком стуле женщины чуть старше ее самой. Быстро склеила дежурную полуулыбку. Та едва ответила и вернулась к своему бокалу. Кстати, что там у нее — такое оранжево-янтарное?

Бармен вопросительно изгибает бровь, и Рина скашивает глаз на бокал соседки.

— «Негрони»? — уточняет плечистый парень.

Соседка снова поворачивает голову к Рине. За мечает угрюмо:

— Он горький.

— Под стать настроению, — бодрится Рина, уже ругая себя за неоправданную смелость. Может, стоило взять какой-нибудь приторный «Бейлис»?

Бармен ставит перед ней бокал. Рина пробует. Морщится. Соседка кривовато усмехается:

— Я предупреждала.

— В самый раз.

— Что, прям настолько?

- Даже хуже.
- Скоты! Мужики, они все...
Рина не сразу соображает:
- Ох, нет, если бы...
- Да ладно, что еще-то?
- Мама...
- Господи, простите... Умерла?
- Да типун вам... Ушла...
- Потерялась? Деменция, что ли?
- Сиделка ушла. Не помню уже, какая по счету...
Довела ее... А мне что делать?
- Рина всхлипывает. Соседка глубокомысленно тянет:
- Надо ж, одно к одному!
- И тут же звонко чокается со стоящим на стойке бокалом Риной, провозглашая с воодушевлением:
- За наших мам! – и быстро добавляет, столкнувшись с ее непонимающим взглядом: – Да успокойтесь! Моя сегодня опять газ включила, хорошо, я домой раньше пришла, она закурить не успела...
- Ох, ну и дела...
- Я газ перекрыла, у телика ее посадила – и, чувствую, срочно надо хоть водки тяпнуть, хоть чего. А дома – пусто, пришлось сюда тащиться. Хорошо, Толик сразу понял, чем утешить.
- Вы хоть бармена знаете, а я тут первый раз... – смущенно хмыкает Рина.
- И я первый! А у Толика бейдж поперек груди широкой, крупными буквами, чтоб и без очков, и после пятой разглядеть.
- Ох, слава богу, а то я не в своей тарелке.
- Главное – со своей рюмкой.
Рина делает наконец второй глоток:
- А ничего, кстати...
- Я же говорила...
- Через час в баре остаются только Рина с соседкой да невозмутимый Толик. Их бокалы – последняя посуда, которую он еще не убрал.
- ...Я говорю, ма, на что мы жить будем, если меня с работы погонят?
- Во-во, та же картина. Как отец умер...
- Слушай... Тебя как зовут?
- Анита. А тебя?
- Рина.
- Давай на ты?
- Не рано?
- В разговор аккуратно вклинивается бармен:
- Скорее – поздно! – Он выразительно смотрит на часы. – Мне бар закрывать.
- Толик, не вмешивайся! У нас все серьезно!

- Да, Толик, лучше номер запиши! – Анита протягивает ему телефон.
- Толик торопливой дробью вбивает какие-то цифры.
- Погоди, Толик, вот же юный барабанщик... Да не свой номер! Ее запиши. Рина из бара... Так... Давай телефон. Теперь меня пиши.
- Рина суетливо вручает свой телефон бармену, и тот устало поднимает глаза на Аниту:
- Диктуйте номер!
- Но «Негрони», похоже, сделал свое черное дело, потому что Анита возражает недовольно-капризным тоном:
- Мужчина, я незнакомым мужчинам...
- Толик с отчаянием в голосе бьет себя в кожаный фартук, как в барабан:
- Так я себе, что ли? Это ей!
- А, другое дело! Пиши, Толик!
- А Рина чуть ли не напевает:
- Пиши, Толик! Мировой ты парень, Толик! Вези нас домой, Толик... То ли-к еще будет...

- Толик, поддерживая обеих, выводит их из бара, накидывает на плечи одной шарф, другой – плащ, держа обе сумки под мышкой. Ворчит себе под нос:
- Какое «вези»! Досюда небось пешком дотрухали...
- Толик...
- Да доставлю я вас, в лучшем виде... – пыхтит бармен, таща их вдоль по улице.
- Утром Рина проснулась с головной болью, неслышно заглянула в мамину комнату, проверила – спит. Дотащилась до кухни, залпом выпила бутылку воды, налила кофе, сунула ноги в угги и выволокла себя за калитку – к заливу.
- Уселась на гребень песчаного холма, кутаясь в пуховик-оверсайз.

Строгие сосны на уходящих за горизонт дюнах, глядя на нее, укоризненно качали кронами.

Это ж надо – так опозориться на новом месте...
Когда стало понятно, что маме понадобится круглосуточный уход, выбора у Риной не было. Жили они вместе, пуповину с очень поздно и сложно рожденным ребенком мама перерезать категорически отказывалась, обвиняя дочь во всех смертных грехах каждый раз, когда та пыталась отпочковаться, будь то университет или работа в другом городе, какие-то влюбленности... Даже внуков, рожденных вне брака, мама сочла бы исчадием ада, а о каком браке можно было мечтать при подобном раскладе? Рина вспомнила свой единственный отчаянный бунт – скоро-

палительное студенческое замужество. Недолгое. Мама его тогда очень жестко прекратила, вернув «предательницу» домой. И вот теперь ей чуть за тридцать, а маме под восемьдесят, дай ей бог здоровья, конечно. Но ее, Ринину, жизнь можно считать конченной: любую новую сиделку мама опять изведет. Надеяться не на что. Стоило ли менять устоявшийся ритм, уходить на удаленку, терять последние контакты в городе, чтобы вывезти маму на свежий воздух, к этому заливу, который Рина про себя всегда называла морем? Вздохнула. Морé... Еще одна несбывшаяся мечта.

Звонить вчерашней новой знакомой Рине было неловко, а делать нечего, извиняться все равно пришлось бы рано или поздно – они оказались почти соседками. Но Анита никаких извинений даже слушать не захотела, а потребовала немедленной встречи в ближайшей кофейне. Там обеим было куда привычнее, чем в баре у Толика. И вскоре они уже со смехом знакомились заново. Чтобы ввести Рину в курс дела, Аните потребовалась минута: родилась она в этом же уютном поселке, тут у ее родителей – большой старый дом с окнами на залив. Мама до последнего года была вполне самостоятельной. А сама Анита бунтарила по полной. Замуж выскочила рано, оба с мужем – архитекторы, неплохо зарабатывали, поэтому в городе тоже есть квартира. Там вырастили двоих, но дети давно разъехались, хотя и помогают немного после смерти мужа. Там она и жила до переезда к маме. Там остается иногда после работы и когда встречается с любовниками.

- Разными? – не сдержалась Рина.
- Я женщина свободная, имею право. «В сорок лет жизнь только начинается», слышала?
- Смотрела...
- Кстати, а как с мамой-то после вчерашнего?
- Да как ни в чем не бывало. Настроение бодрое, щеки розовые. Это меня шатает, только не от выпитого, а от слабости.
- «Вампирит» потихоньку?
- Не без того. Игры по Берну.
- Что за игры?
- Книжка – супер. Если б мне не попала, я б не разобралась. Так бы и верила ей, все ж всерьез воспринимала. А после Берна хоть мозг на место встал. Представляешь, начинаю читать и вдруг вижу там наши обычные с мамой споры – слово в слово!
- О, правда? Мне точно надо.
- Хочешь, дам тебе? Пойдем, заодно хоть с мамой познакомлю.

По пути Рина старалась предугадать, каким настроением их сегодня встретят, но опасения были напрасны. Мама сидела в гостиной на том же месте, где дочь оставила ее час назад, и смотрела телевизор.

Аккуратная старушка крепко сжала руку Аниты, не сводя с нее внимательного взгляда. Произнесла мелодичным голосом:

- Нина Николаевна! Очень приятно.
- Надо же, вы с моей мамой тезки. Только она – Федоровна.

Получив обещанную книжку, Анита собралась было уходить, но Нина Николаевна настояла, чтобы гостя осталась на чай. Она вообще вела себя как гостеприимная хозяйка дома: развлекала Аниту светской беседой, проявила интерес к ее семье, детям, работе, разве что дочку то и дело гоняла на кухню – то за конфетками, то за свежим чайком. Размышлять о причинах этой чудесной перемены Рина даже не стала: под шумок вручила Аните мамины лекарства, и сообразительной гостью удалось играючи убедить Нину Николаевну и таблетки принять, и даже перекусить немного – время как раз шло к обеду.

Провожая Аниту, Рина не могла скрыть изумления:

- Ну ты и монстр! Ловко трюк с таблетками провела, у меня самой ни разу без скандала не получилось. Каждый день – как на ринге!
- Смешно, – хмыкнула Анита, – вот только подумала, что с моей мамой у меня так никогда бы не вышло. Мы слишком близко! Со своими не церемонятся, а перед чужими проще добрыми-хорошими выглядеть – ни тебе от них особо ничего не нужно, ни им от тебя... Кстати, хочешь, мы это с моей мамой проверим?
- Да ну, неудобно...
- Кому неудобно? Брось. Нам завтра новую кухню привезут, как закончат – позвоню, заходи тогда...

Анита оказалась права. Назавтра, зайдя к ним в дом, Рина едва успела открыть рот, чтоб похвалить шикарную кухню, мечту Аниты, – та проектировала кухню сама и копила на нее больше года. Вот только мама Аниты, не успев познакомиться, давай жаловаться Рине на свою непутевую дочь: «Нет, вы только посмотрите на эту дурацкую халабуду, кухня, называется! Шкафчики высоко, не дотянутся, рабочая поверхность – тоже, как резать-то на ней? Все, все сделано, чтобы матери неудобно было. Нарочно небось!»

И Рина видит, как Анита, сильная, уверенная, непрошибаемая Анита бессильно опускается на табуретку и обреченно машет рукой. И Рине становится так обидно за новую подругу, что она звонко выпаливает:

– Правильно, Нина Федоровна! Подумать только, что за нахальство!

Нина Федоровна растерянно замолкает, Анита с изумлением поднимает на Рину глаза. А та едва успевает ей подмигнуть и снова набирает полные легкие воздуха:

– Вот что она о себе возомнила, эта ваша Анита? Думает, раз она архитектор, так и дизайном кухонь может заниматься? Тут же индивидуальный подход нужен, правда, Нина Федоровна? Мама Аниты послушно кивает.

– А она с вами проект обсудила? Может, вам духовка пониже нужна, как раньше было, а то вдруг масло в глаза брызнет! Вы же часто мясо запекаете, да?

– Ну, сейчас уже не то чтобы... – На лице Нины Федоровны появляется некоторое сомнение.

– А резать как? – продолжает Рина, распаяясь еще больше. – Нет, Анита, ты мне скажи, у вас с мамой разница в росте какая? Почему ты отказываешь ей в праве резать на своей кухне, сколько она пожелает?

Лицо Аниты розовеет, она все еще не понимает, куда клонит Рина, но на всякий случай решает подыграть:

– Мамуля, вот я идиотка, не рассчитала! Что ж делать теперь?

– Как – что? – возмущенно откликается Рина, – Переделывать надо все! Раз маме неудобно, ну-ка, быстренько зови своих чародеев обратно. Мы сейчас тут с Ниной Федоровной пройдемся, списочек составим, что куда, а ты давай, звони мастерам!

И тут Нина Федоровна подает голос:

– Погодите-ка! Не звони пока, дочь... Дай посмотрю еще...

– Да чего смотреть, Нина Федоровна, дорогая? – не сдается Рина. – Раз вам неудобно, будем подгонять. Вы достойны самого лучшего! Согласны?

Мама Аниты подходит к новым шкафчикам, открывает-закрывает дверцы, выдвигает ящик с идеально разложенным столовым серебром, включает подсветку, поглаживает необычной текстуры столешницу из кварца «тадж-махал». Рина уже знает, что это – Анитино ноу-хау, выглядит как мрамор, но не гигроскопичный, почти как гранит, она этот слэб несколько месяцев пасла!

– А знаете, Рина... Рина – это Екатерина или Марина, кстати?

– Лучше – Рина, – отвечает Рина, не веря собственной наглости, слышала бы сейчас ее мама. – Не отвлекайтесь, пожалуйста, Нина Федоровна.

– Рина, я вот пригляделась – красивая какая кухня.

Анита, не веря ушам, медленно-медленно встает с табуретки и подходит к маме:

– Тебе правда нравится?

– Особенно мрамор этот. Ничего же, что мрамор, он ведь, кажется, воду впитывает... А вдруг масло прольется или вино? Красное, не дай бог?

Нина Федоровна вопросительно смотрит на дочь.

– Ничего, мам, это волшебный такой мрамор, я специально выбирала. Проливай что хочешь.

– Надо же... А оно и хорошо, что повыше, смотри, я вот так упереться могу, и удобнее будет резать-то. Не надо переделывать.

– А шкафчики? Тебе реально высоко?

– Да привыкну я, подумаешь, пристрогаюсь. Что мне там надо, в шкафчиках этих? Сама тогда готовь, я вообще хочу сказать, надоело мне хозяйство ваше. Сама, дочь, давай...

Следующим утром Анита вызвала подругу на разговор к заливу. И вот теперь Рина просто не знала, как реагировать на безумное предложение, которое Анита озвучила сразу, без всяких приветствий:

– Можешь думать, что я сошла с ума, но нам надо поменяться мамами.

– Погоди, это как? Удочериться, что ли?

– Да нет же! Смотри, как нам легко удается с чужими мамами то, что не выходит со своими! Понимаешь, даже ухаживая за взрослым, заботишься о нем, как о ребенке. То есть так или иначе ты ему – как мама. А как ты можешь себя своей маме мамой почувствовать, а? Ты же ее помнишь всезнающей, сильной и строгой!

– Еще какой строгой! Слушай, почему я раньше об этом не думала? И они нас, своих детей, никогда как взрослых не воспримут!

– Так это ясно же! Как и то, что чужие мамы не так раздражают нас, потому что нет общей истории, мы как бы на шагок подальше. А они по той же причине косяки чужих детей не принимают так близко к сердцу... Короче, надо «нанять» друг друга на уход за чужой мамой, раз своих дочерей они не слушают.

– Что ли, как в том детективе, где убийцы – случайные попутчики в поезде – меняются пре-

ступлениями? Чтоб их самих ничто с жертвой не связывало? Никаких личных мотивов?

- Вроде того. Считаешь, бред?
- Рина помолчала. Пожала плечами.
- Бред – не бред... Давай попробуем. Что мы теряем?
- Готова приступить хоть сейчас.
- Договорились. Только сначала давай десять тысяч шагов вдоль залива, пока мамы спят?
- Новую идею подруги решили протестировать в тот же день.

Начать Рина попросила с зарядки – двигаться Нина Николаевна уже который год не желает совсем. Аниту это сперва удивило:

- Ну и что, подумаешь, наберет пару кило, ей же не на подиум.
- Ты не понимаешь. Суставы! Если движения нет – нет питания тканям. Почему, думаешь, кости хрупкими становятся?
- Так надо заставлять!
- Ага! Поди ее заставь! И музыку включала, и сиделка последняя пыталась. Была послана далеко и надолго.
- Включала что?
- Ну, как... Весь «Голубой огонек» из телевизора, еще Меладзе там, Агутина, «Битлов» даже... Фыркает.
- Не, тут другой подход нужен. Музыка ее возраста должна быть. Ну, в смысле, старый – что малый. Ей та нужна, под какую она в детстве радиозарядку делала.
- Думаешь? Хм, давай попробуем. Просто в медленном темпе, ладно? Это тогда они маршировали всюю, а теперь какие марши?
- Колыбельные им нужны. Но бодрые.
- А такие есть?
- Для их поколения – только такие и есть. Колыбельные энтузиастов. Ты пока загрузи, ну там, где вместо сердца пламенный мотор, или эту – «Мне сверху видно все, ты так и знай!». А я как тренер попробую. Может, свежее личико прокатит.
- «Свежее личико»... Любишь ты себя!
- Уважаю. Ценю. Ну что, решайся. Новая игра. Все старые игры – и игроки! – удаляются с поля, надоели уже...
- Да я только за! Пусть хоть разок не мне на орехи достанется...

И следующие полчаса Нина Николаевна, сидя в кресле и не сводя восторженных глаз с Аниты, вполне энергично повторяет за ней упражнения, знакомые любому детсадовцу, – вращает перед со-

бой согнутыми руками, как пропеллером, раскидывает «стальные руки-крылья» и раскачивается, как самолет в облаках, аккуратно приподнимает и переставляет ноги, как упорный искатель-геолог, поворачивается всем корпусом, приставив руку козырьком ко лбу и обозревая окрестности. Она и слова песен помнит, и подпеваает – вот вам и вентиляция легких! Раскрасневшаяся Нина Николаевна выглядит очень довольной.

Анита переводит дух и подмигивает Рине.

- Ну что, закрепим успех? Теперь ты – тренер, бери музыку, айда к Нине Федоровне...

Они победили. Первые недели эксперимента подруги боялись дышать, чтоб не спугнуть удачу. Сталкиваясь ежедневно по пути на «работу», то и дело скреживали пальцы и обменивались тревожными взглядами. Но со временем убедились, что идея Аниты на пользу не только им, но и их несговорчивым мамам. За год обе окрепли, подтянулись и начали интересоваться не только лекарствами и телевизором. Настоящий прорыв случился, когда подруги решились познакомить Нину Николаевну с Ниной Федоровной и начали оставлять их чаевничать вдвоем под присмотром только одной из дочерей. Это давало каждой из них шанс иногда, что называется, сморгнуть: выбираться по очереди на шопинг, в кино или на какую-нибудь экскурсию или выставку. На одной из таких выставок Анита ухватила старого знакомого, который, похоже, имеет все шансы задержаться в ее жизни надолго. В один из визитов в поселок у залива он притащил друга, чье сердце теперь безраздельно принадлежит Рине. И хотя она не совсем уверена, что делать со свалившимся на нее сокровищем дальше, пока принимает перемены в личной жизни благосклонно. А там видно будет.

И опять же спасибо Аните – кто в одно из своих дежурств разговорил Нину Николаевну, и та поведала благодарной аудитории о своем высокопоставленном поклоннике? Проходу ведь не давал, никаких резонов не слышал, уперся, что твой зубр! Ну и она уперлась, хоть и влюблена была, как кошка. Но это ж не повод детей отца лишать? Хорошо, как раз тогда будущий Ринин папа возник на Ниночкиной карте мира – от ухода из семьи зубра удержало только молниеносное новое замужество упрямыцы. Услышав имя ухажера (теперь-то можно, в живых никого из его семьи не осталось), обе, Анита и Нина Федоровна, так и просидели с открытыми ртами до прихода Рины. А Рине новость, понятно, оказалась дороже золота. В тот же вечер она без всякого чувства вины

отправилась на свидание. Если уж маме было можно, то Рине теперь – и подавно.

Обнаружились семейные тайны и у другой мамы, только успевай записывать. Они и записывали, поражаясь, как мало знали о своих семьях раньше. И почему ключом к этим знаниям должно было стать появление в их жизни, казалось бы, чужого человека? Ну точно же – эффект вагонного купе! Как здорово, что они тогда вспомнили про детектив...

Годовщину их встречи Рина и Анита решают отметить у Толика. С барменом они с того самого первого раза подружились. Невозмутимый добряк даже гордится, что новые подруги назначили его заведение любимым и заглядывают регулярно, изменив даже местной кофейне. Он – единственный, кто в определенный момент был посвящен в детали «обмена мамами». Идее Толик поразился, но одобрил и кулачки за них держит искренне. А уж кофе варит – всем местным бариста на зависть.

Сегодня зал почти пуст – рабочий день, метель, темнотища... Подруги, стряхнув на пороге снег, садятся у стойки и заказывают по ритуальному «Негрони».

- Ну, за моральные долги!
- Странные у тебя тосты пошли.
- Я весь этот год думаю, почему идея выстрелила?
- Кроме того, что мы обалденно смысленные де-вушки?
- Понимаешь, вот эта штука про долги ближнему, она не всегда работает напрямую.
- Почти ничего не работает в лоб, Анит.
- Ага, поди мне скажи: я тебя родила, и ты мне теперь по жизни должна. Я и так вроде знаю, что это святое, я ж не отказываюсь... Но если у меня это из глотки вырывают – напрягаюсь. Какие отношения это выдержат?
- А потом жалеем, что «не успели», скажи? Даже если готовы. Как я отдам долг отцу, который умер в мои семнадцать?
- Вот именно. Значит, отдавать надо дальше по цепочке. Или «обмениваться» долгами, вот как мы с тобой. Другая комбинация, а результат – четыре вполне довольных жизнью человека.
- Даже шесть, если считать наших новых мужчин. Так что, переставать себя казнить, если отдаем не тем, кому должны?
- Если передаем дальше – детям, друзьям, кому уж получается, а они потом делают то же самое, – то все в порядке. Как эстафетную палочку, чтобы оно не заканчивалось...

Деревянная скрипучая дверь приоткрывается, впуская вместе с порывом ветра рой снежинок и бледную растрепанную молодую женщину с заплаканными глазами. Толик делает фирменный приглашающий жест, женщина неуверенно подходит к стойке и садится через стул от подруг. Вид у нее потерянный.

– Помощь нужна? – спрашивает Анита.

Женщина молча качает головой. Шумно всхлипывает и разражается слезами. Анита и Рина обе вскакивают и бросаются утешать. А женщина продолжает рыдать:

- Никто мне не поможет!
- С мужем поругалась?
- Да какой муж!
- В смысле?
- Я говорю – какой муж выдержит такую тещу? Да еще в одном доме?
- Вы живете с мамой?
- И живу с мамой, и сдохну с мамой, и она меня еще пышно похоронит и лет на тридцать переживет! С ее-то характером!

Рина с Анитой переглядываются и делают знак Толику.

Он, меланхолично вытирая бокалы, закатывает глаза:

– «Негрони»?

Рина молча кивает.

Толик ставит перед вновь прибывшей бокал, и Анита вкрадчиво мурлычет:

- Сначала вы успокойтесь. А потом мы с Риной вам кое-что расскажем. Вы слышали про Кольбельную энтузиастов?

